

УДК 316.000.32

А.В. Миронов, канд. филос. наук, доцент*Севастопольский национальный технический университет,**г. Севастополь, ул. Университетская, 33, Украина, 99053**E-mail: root@sevgtu.sebastopol.ua***«ПОТЕРЯННОЕ ПОКОЛЕНИЕ» И ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ**

Рассматривается проблема политического использования военных, которые вернулись в мирную жизнь, но являются для нового общества забытыми и отвергнутыми. Приводятся примеры из разных исторических эпох, когда политические силы используют моральное, психологическое, сознательное состояние этих людей для достижения с их силовой помощью своих целей в борьбе за власть.

Ключевые слова: военные, военный конфликт, политическое участие.

Война – один из факторов мировой политики. Ее можно рассматривать как крайнее средство разрешения противоречий, возникающих между государствами, этническими группами, политическими группировками. Она сопровождает человечество на протяжении всей его истории. Победа или поражение направляют дальнейшие векторы развития экономики, права, политики, науки, морали. В зависимости от результатов военного конфликта к власти приходят те или иные партии, лидеры, устанавливаются новые формы государственного управления, формируются соответствующие идеологии. Сами участники военных действий отодвигаются на второй план, результатами их побед пытаются воспользоваться лица, имеющие доступ к властным рычагам. Подобная ситуация в латентном виде несет в себе заряд дестабилизации общества, потенциальную напряженность и социальное противостояние.

Еще Древний Рим столкнулся с проблемой использования бывших воинов в закулисной борьбе за власть, первенство, достижение личных интересов. Они представляли собой особую сплоченную группу, отличающуюся мобильностью, смелостью, решимостью, отсутствием моральных преград. Чем сложнее материальные и социальные противоречия в государстве, тем значительнее становилось влияние тех, кто мог стать движущей силой, авангардом политических батальонов в силу навыков, привычек, умения, полученных во время войны. Период средних веков, первых веков Нового времени нивелировал данный вопрос, так как сословный характер службы, протяженность сроков, отсутствие демократической процедуры выборов выдвигал иные группы на острие политической борьбы. По мере изменения армейской структуры, новых способов комплектования армии (обязательного призыва, сокращения срока службы, повышения образовательного ценза и т.д.) социальная представительность становится более разнообразной. Окопы соединяют тех, кто в мирное время не имел точек соприкосновения (различное материальное положение, интересы, занятия, образование). Война сводит вместе, скрепляя самыми сильными событиями: общие опасности, угроза жизни, выживание, взаимовыручка, совместно проживаемые трудности. Политические разногласия утрачивают свое значение перед лицом врага. Несопоставимость оценок, качеств поступков разделяет прошлое и настоящее. Восприятие окружающего мира, общественных событий, самого себя трансформируются под воздействием новых реалий, представлений о человеке, его ценности и возможностях.

Военные конфликты последней трети XX века и начала XXI веков, распад прежней и становление новой картины мира актуализируют проблему людей, ощутивших силу оружия, как средства убеждения и принуждения, утвердившихся в другой логике на достижение цели по сравнению с общепринятой, предлагающих себя различным политическим партиям в качестве силы, способной активно воздействовать на противника. Все это предполагает возможную практическую ориентацию на жесткий национализм, политическое насилие, радикализм, бытовой нигилизм.

Автор статьи обращается к историческим дискурсам, ставя перед собой задачу исследования аналогичных явлений политического процесса первой трети XX века и выделения особенностей, связанных с нашим временем.

Демобилизация по окончании Первой мировой войны стала трагедией для миллионов солдат Германии, Австро-Венгрии, России, Италии. Вхождение в мир, наполненный кризисами (экономическим, политическим, социальным) вызывает чувство растерянности. В армии они уходили из мира, где существовали прочные устои – государство, семья, церковь, работа. За время войны привыкли к новой системе ценностей. Теперь нет ни первого, ни второго. Доверие к власти расшатано, политики не вызывают уважения и главный вопрос остается открытым: зачем были принесены столь громадные жертвы. Мировоззренческое распутье становится привычным, искать ответы можно у тех, кто прошел испытания войной. Хаос мнений нарушает устоявшиеся традиции между поколениями, социальными группами, между подданными и государством. Атмосфера в странах, проигравших войну или не получивших свою часть контрибуций, наполнена ощущением трагедии, обмана, опустошенности.

Необходимо искать свое место, самореализовываться, но правила игры изменились. Востребованы другие способности: хитрость, ловкость, расчетливость, корысть, подлость, злоба. Сравнение с совсем недавним прошлым не в пользу столь ожидаемого мира. «Солдаты – это настоящие люди, потому что на удивление просто выносят они непомерные тяготы и опасности, а опоры ищут не в злобной ненависти к тем, кого называют их врагами, но в солдатской дружбе, в верности товарищу. У них есть все основания обратиться в диких зверей, но этого не происходит... в них сохранилось и окрепло самое главное – высокая человечность и мужественность» [1, с. 275]. Однако действительность не позволяет им почувствовать себя адекватными. Биржевые махинации, спекуляции в неизмеримых масштабах, феерические обогащения не вмещаются в сознание на фоне всеобщего бедствия, военных утрат и разрушений. Долг, патриотизм, самоотверженность переходят в разряд прошлого, девальвируются вместе с национальной валютой. Окружающий мир стал ассоциироваться с воплощенным злом. Оно направлено против каждого и всех вместе. Человек предоставлен самому себе. Равнодушие, эгоцентризм, безразличие – последствия любого глобального кризиса. И вернувшимся с фронта предстояла новая война – за обретение себя. Великая героическая эра подошла к концу. Знаки различия быстро исчезли с формы демобилизованных офицеров, за ночь они превратились из героев в пособников империализма, преступников, реакционеров» [2, с.20].

Поколение воевавших, как правило, молодо. Война – самое сильное впечатление в их жизни. Она затмевает прежние события, вытесняет установки, полученные в семье, школе, как неработающие в экстремальных условиях и, следовательно, бесполезные. Моральные запреты, культурные установки еще не стали неотъемлемой частью сознания, не смогли закрепиться как абсолютные постулаты, когда столкнулись с санкционированным государством правом на убийство, насилие, жестокость. Они становятся атрибутом жизни, привычкой, которая больше не пугает, не шокирует. Постепенность, упорство, признание официальной иерархии как качеств, необходимых для достижения карьеры, материального благополучия, уважения окружающих обанкротились. Компромисс, уступчивость, терпимость воспринимаются как проявления слабости, отдаляющие от быстрого решения возникающих проблем. Радикализм в средствах и целях понятен своей логикой, оправдан опытом боев. Общество, призывающее к соблюдению правил выполнения гражданских обязанностей, вызывающее к голосу разума и совести, признается фальшивым, на него перекладывается груз вины за утраты, неспособность установить подлинную справедливость. Теперь закон на стороне тех, кто меньше страдал, жертвовал, не отказывал себе в самом необходимом. Подобное положение вызывает со стороны прошедших войну состояние правового нигилизма. Согласие с такими предписаниями означает поддержку чуждого и лицемерного. «Бывшие солдаты, оставшиеся без работы, все чаще оказывались зачинщиками беспорядков. Таким образом они старались сохранить от полного уничтожения свой привычный мир и более всего пытались избежать голода, безработицы и безнадёжного будущего» [3, с. 87]. Политическая партия с набором традиционных парламентских методов завоевания большинства избирателей проигрывает прямолинейным «таранным» действиям, которые могут противопоставить бывшие солдаты. Самая развращающая аргументация не может сравниться с эффектом насилия и деструктивности, перенесенными с поля боя на городские улицы.

Поствоенный период, как правило, связан с масштабными преобразованиями. Меняются лозунги, установки, идеологические ориентиры, боевые действия вызывают героический подъем в обществе. Чувства долга, служения, самопожертвования ассоциируются с основной обязанностью гражданина. Но они перерастают в ультрапатриотизм, который не уместен в пределах разумной логики, он становится критерием оценки «свой-чужой», им оправдываются любые беззакония, некомпетентность. Патриотизм – мера реализации личности, требующая максимальной самоотдачи. Но теперь любые политические цели облачаются в патриотические одежды. Не принято задавать вопросы об их сущности, необходимости, разумности. Личное участие в этих мероприятиях – единственный вариант подтверждения своей любви к Родине. Манипуляция лозунгами для непосредственных участников заключается в том, что содержание начинает наполняться личными переживаниями, событиями, конкретными людьми, с которыми приходилось делить все военные тяготы. Из абстрактных, обезличенных фраз выстраивается индивидуальная картина самопожертвований, очевидцем которых можно назвать каждого солдата. Развенчание идеологической подоплеки патриотических лозунгов в таком случае вызывает обиду, ощущение обманутости. Германия, создавшая свою империю, внушившая гражданам веру в незыблемость национальной идеи, непререкаемый авторитет кайзера, уверенность в мировом лидерстве, при быстром поражении в одночасье лишилась своей духовной основы. Вдруг объяснить страдания, утраты, сверхнапряжение стало невозможно. Государственная катастрофа поглотила прежние ценности и понятия. В этих условиях патриотизм становится архаическим атавизмом. Мужество, честь, благородство обанкротились в глазах новых правителей, а возвращающимся с фронта солдатам «открывают» глаза на бессмысленные жертвы. Однако, именно в такой ситуации политическая сила, играющая на восстановление уважения к фронтовикам, разделяющая их чувства и демонстрирующая поддержку, получает в их лице преданную группу, готовую отстаивать «патриотические» интересы

партии как свои собственные. «У солдат, прошедших войну, обращения фашистов находили больший отклик, чем пропаганда социалистов. Люди не любят, когда им говорят, что они были дураками. Они предпочитают быть героями» [4, с. 114]. Сознанию с помощью манипуляций возвращают самоуважение, с которым человек не желает расставаться.

Другим аспектом самоопределения военных в новых условиях становится ксенофобия. Поиск врага, ответственного за катастрофу, является навязчивой идеей для сотен тысяч молодых мужчин, жаждущих расплаты. Перенесение границы, разделяющей своих и чужих на поле боя, в мирное пространство требует обозначения тех, кого можно назначить в виновники поражения. Самый простой способ – разделение по расовому, национальному признаку, материальной принадлежности. Процветание представителей других этнических групп ассоциируется с заговором, изменой, предательством. Собственная бедность и неустроенность противопоставляются чужому благополучию и комфорту. Общественное мнение формирует доступное объяснение: «чужие» воспользовались возможностями, когда «свои» пребывали на фронте. Подобной схеме легко доверяются люди без профессии и образовательной подготовки, при аморфности общественного положения, сложности адаптации в новых условиях. Личная проблематика ставится в зависимости от национальных противоречий. Аффективная природа человека эксплуатируется партийными агитаторами, концентрируя гнев, недовольство, мщение, обиды за инвалидов, вдов, сирот, стремясь трансформировать их в конкретные общественные проявления, выгодные партии. Образ врага необходим для реализации негативных чувств бывших военных, он позволяет консолидироваться «от противного». Если в окопах этим вопросом или не задавались, или он не был столь острым, то теперь он становится существенной и отправной точкой оценки себя и другого. Ксенофобия напрямую связана с национализмом, как сознательно перенаправленной трактовкой патриотизма. Неудачи, поражения в войне должны быть оправданы. Так на современном этапе истории неприятие «чужих» выводит на первый план националистическую идею «титული» нации. Создается мнение о преимуществах однородного государства, где все блага, а в условиях кризиса – работа, должны распределяться между коренными жителями. Для фронтовиков это наиважнейший момент, собственное благополучие которых увязывается с вытеснением иных национальностей. Соответствующую иллюзию активно пропагандируют радикальные политические силы, стремящиеся в конкурентной борьбе освободиться от соперников и использующие растерянность перед жизнью бывших солдат.

Ощущение незаслуженного оскорбления переполняет возвращающихся с полей сражений. Уверенные в достойном выполнении долга перед Отечеством, ненепосредственной потере боевых товарищей, они наталкиваются на вражду, непонимание, равнодушие. Маклеры, биржевые игроки, политиканы сомнительные личности, нажившиеся на военных поставках и разграблении страны в период распада, видят в них деструктивное начало, обузу для общества, укор, нарушающий комфортное существование. Успешная элита старается не замечать, игнорировать военных. Теперь общественная сила не на их стороне. «Мы испытали унижение, видя знамена своих славных полков, возвратившихся домой не под радостные возгласы приветствий, без проявления теплого одобрения и симпатии, заслуженных теми, кто пришел с великой войны победителем» [5, с. 85]. В Германии, потерпевшей поражение, в Италии, претендующей на победу, прием был одинаковый. Миллионы бывших солдат оказались никому не нужны, кроме своих товарищей. Послевоенный бум, открывший возможность быстрого обогащения, увлекает элиту этих государств в водоворот скандалов, махинаций, уголовных разоблачений. В среде фронтовиков зреет идея реванша, не только военного, но, в большей степени, личного. Желание переделать мир, исходя из заслуг, наград, перенесенных испытаний. Справедливость толкуется как возвращение должного наиболее заслуженным людям (критерий – военная доблесть). Они не хотят расставаться с прежней иерархией, формой, знаками отличия. Утраченные победы могут обернуться новыми триумфами, когда их реальная сила заставит признать общество героизм, мужество, отвагу и, наконец, воздать должное тем, кто является воплощением этих качеств.

Сложности адаптации в послевоенный период связаны с изменением привычного ритма жизни. Сверхнапряжение, максимальные переживания сменяются скукой и апатией обыденности, не требующей постоянной демонстрации волевых качеств. Сопоставление двух образов жизни далеко не всегда представляется преимуществом мирного уклада. Риск, игра со смертью насильственное доминирование не встречают поддержки со стороны членов семьи, родственников, сослуживцев. Возникают проблемы во взаимоотношениях со сверстниками, не разделившими военное поприще, с начальниками, требующими исполнительности и подчинения. Столкновение с законом, регламентирующим поведение по традиционным стандартам, вызывает ожесточение. Сознание не успевает перестроиться. То, что вчера одобрялось и награждалось, сегодня объявляется преступлением и нарушением моральных норм. Политические партии, легализирующие средства борьбы, запрограммированные на жестокие столкновения, вызывают одобрение. Данные силы кардинально отличаются от обанкротившихся буржуазных партий, проповедующих исчезнувшие ценности: законность, священное право собственности, равенство в правах. Нарастает интенсивность борьбы в форме уличных потасовок,

деструктивных действий запугивания. Демонстрация оружия не пугает, а притягивает бывших солдат. Она возвращает в прошлое, которое, по мере его удаления, приобретает романтический ореол и значимость. Чувство страха, внушаемое боевиками, позволяет поддерживать высокую самооценку и надеяться на лучшее будущее. Партии ведут непрерывное соперничество за объективную солдатскую массу, учитывая ее мобильность и готовность к решительным действиям. Постоянные митинги, демонстрации, собрания пикеты вносят разнообразие, в повседневное существование людей, привыкших к накалу, единоборству, концентрации энергии.

Политические программы не всегда определяют атмосферу столкновений. «Все мы – братья, связанные странными узами, в которых есть нечто от воспетого в народных песнях товарищества, от солидарности заключенных, от продиктованной отчаянием сплоченности приговоренных к смертной казни. Нас породнила та жизнь, которой мы живем, особая форма бытия, порожденная постоянной опасностью, напряженным ожиданием смерти и одиночеством...» [6, с. 176]. Внутрикорпоративная поддержка играет роль связующего начала. Имея влияние на организации бывших фронтовиков, политическая элита получает в их лице широкую электоральную базу добровольных агитаторов, пользующихся доверием своих товарищей. Включение их в руководящие органы придает последним характер подлинности, открытости, доверия. Стена отчуждения устанавливается между фронтовиками и официальной властью, которая, по их мнению, оказывает поддержку предателям, изменникам, инородцам. Объединение по принципу «свой» оправдывается психологическими мотивами самосохранения в сложных условиях кризиса, надеждой на взаимопомощь, нежеланием раствориться в чуждой массе. Баланс соотношения политических приоритетов может меняться, неизменным остается товарищество. Неслучайно в Германии, Италии, Австрии – странах, пострадавших от последствий поражения, сразу же возникают союзы солдат (в Германии – «Стальной шлем» «Оберланд» и др.), построенные по военному образцу, с военной иерархией и декларирующие принципы которые знакомы каждому участнику войны и с которыми ассоциируются славные победы. В мире, пребывающем в хаосе и разладе с человеком, – это единственный путь установить прочную коммуникацию. Желание быть со своими оказывается доминантой и со временем происходит их примирение с разными идеологическими требованиями.

Лозунги, обращения к бывшим солдатам отличаются простотой и доступностью, переходящими в примитивизм. В этом их привлекательность и эффективность воздействия. В обществе, наполненном поисками внутренних врагов, особую значимость приобретают выпады, критика, фальсификации на тему непосредственного участия в пораженческой деятельности, незаконного обогащения, наживания капиталов за счет коренного населения. Подтекст прост: все могло принадлежать тем, кто это заслужил. Борьба подогревается выгодными для участников заверениями: о будущем переустройстве, о перераспределении национальных благ, о воздании должного героям, о перспективах, которые ожидают тех, кто примет участие в этой борьбе. В партийных призывах используется военная терминология, ключевые слова, символы несущие эмоциональный всплеск в контексте прошлых воспоминаний. Так Й. Геббельс мистифицировал свои природные недостатки полученными на фронте ранениями, что в глазах широкой публики придавало ему ореол героя, пострадавшего за Отечество. Узнаваемость идей, программ в широких народных массах для политиков становится гарантией их успехов в борьбе за власть.

Проблема использования бывших солдат в собственных целях сопряжена с трудностями управления ими, переменчивостью их настроений, непосредственностью восприятий решений и действий. Общепринятый стиль оказывается неэффективным в силу специфики социальной группы, оказавшейся в тисках прошлого и настоящего. Военное прошлое и мирная политическая служба представлены различными наборами установок. Политические организации действуют в атмосфере братства и товарищества, поэтому внезапное жесткое давление, приказы, требования, подобные военным, могут натолкнуться на открытое сопротивление в среде бывших военных. Посагательство на принципы мирной организации ассоциируется с предательством общих, братских интересов (например, ситуация с отрядами СА в Германии, не принявшими политическую целесообразность со стороны руководства НСДАП и распущенными по воле А. Гитлера). Дух вольности и демократизма, послуживший привлекательности вступления в политическое движение, становится со временем проблемой и угрозой для правящей элиты. Если первоначально извлекается польза из мобильности, решимости, агрессивности подобных формирований, то со временем их непредсказуемость являет собой опасность для действий в новых реалиях изменившегося общества.

Завершение истории XX века сопряжено с рядом локальных конфликтов, войн на этнической, религиозной почве в распадающихся государствах Восточной Европы. События XXI века включили в военную орбиту государства Евросоюза и США. События на Ближнем и Среднем Востоке открыли плацдарм, требующий постоянной ротации сил. Противостояние в предгорьях Кавказа задействовало в число участников жителей бывшего СССР, а ныне – граждан ряда независимых государств.

Таким образом, за последние полтора десятка лет в целом ряде стран появились социальные группы, чей жизненный опыт наполнен военными переживаниями, навыками, предусматривающими насилие в разрешении проблем, негативным отношением к властной структуре, с которой увязывается негативное мироощущение, поиск виновников в личной катастрофе. Радикализм в максимальной степени адекватен ощущениям солдат, прошедших через боевые действия. Политические карты в ряде государств могут быть использованы как рычаги для достижения различных целей в борьбе за власть с помощью обкатанной военной силы, способной на антизаконные действия. Исторический опыт показывает всю опасность подставной игры на националистических чувствах, выдвижении идей реванша за поражения, популяризации ксенофобии. Политическая элита должна осознавать, что цена, заплаченная за успех, добытый таким путем, может обернуться дестабилизацией общества, установлением военных режимов, опасностью кровопролитных гражданских войн.

Бibliографический список использованной литературы

1. Олдингтон Р. Смерть героя / Р. Олдингтон. — К.: Будівельник, 1982. — 368 с.
2. Рисс К. Кровавый романтик нацизма доктор Геббельс / К. Рисс. — М.: Центрполиграф, 2006. — 492 с.
3. Штрассер О. Гитлер и я / О. Штрассер. — М.: Яуза, Эксмо, 2005. — 315 с.
4. Ридли Дж. Муссолини / Дж. Ридли. — М.: АСТ, 1999. — 448 с.
5. Муссолини Бенито. Моя автобиография / Б. Муссолини. — Харьков: Див, 2006. — 288 с.
6. Ремарк Э.М. На западном фронте без перемен / Э.М. Ремарк. — М.: Правда, 1985. — 576 с.

Поступила в редакцию 31.08.2010 г.

Миронов А.В. «Втрачене покоління» і політична участь

Розглядається проблема політичного використання військових, які повернулися до мирного життя, але являються для нового суспільства забутими і знехтуваними. Наводяться приклади з різних історичних епох, коли політичні сили використовують моральний, психологічний, свідомий стан цих людей для досягнення з їхньою силовою допомогою своїх цілей у боротьбі за владу.

Ключові слова: військові, військовий конфлікт, політична участь.

Mironov A.V. “Lost Generation” and Political Participation

The problems of political use of the military, who returned into the peaceful life, but who are forgotten and neglected by new society are examined. The examples from various historical epochs are given, when political powers use moral, psychological, conscious state of those people for achieving their aims for power struggle with their help.

Keywords: militaries, military conflict, political participation.